

содержание

Предыстория. Бараний дух.	8
Пир во время.	24
Бригада	32
Мингрельские скачки	40
Сверху видно все.	56
У Мухранбатони	66
В логове дядюшки Карамана	82
Сорок восемь пупков	100
Вакхический сон	114
Старое кахетинское	122
Детище родины неотразимой.	134
Слеза фазана	148
Пир № 1	156
Окно с видом	164
От Троицы к Успению	176
Рецепты.	184
Хинкалиссими	186
Пьяная форель	188
Гранатовый теленок	190
Нога Тарамуша	193
Антипохмельный бульон	196
Величайшие хачапури Иры Тотибадзе.	199
Курица, склевавшая свою печень	200
Чихиртма	205
Метод харчо.	206
Завтрашний вчерашний шашлык	211
Плебейская фасоль	212
Пхали	215

Предыстория.

Бараний

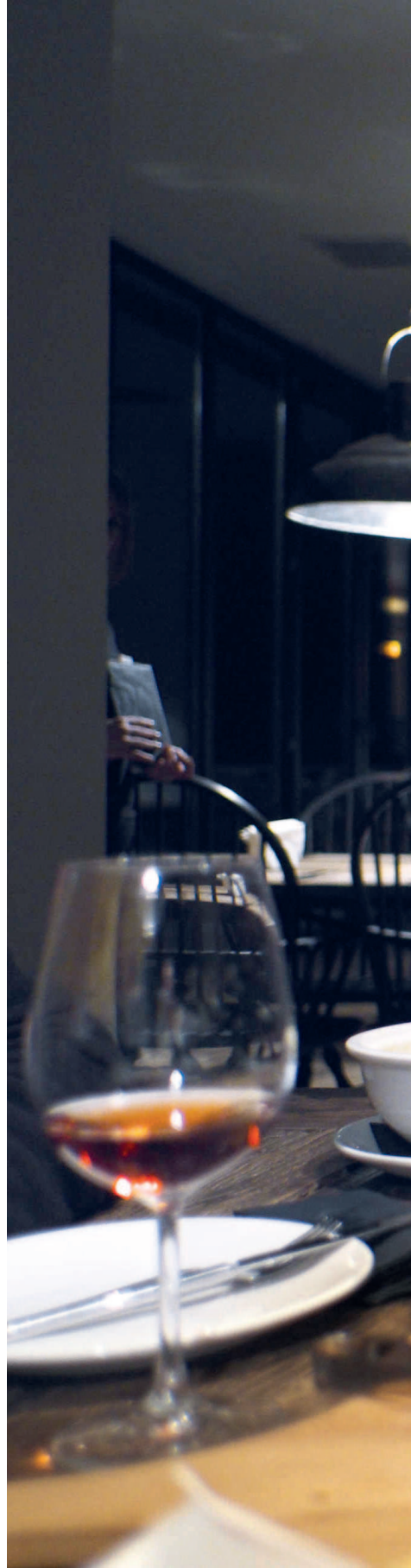
~~~~~  
~~~~~  
~~~~~
ДУХ

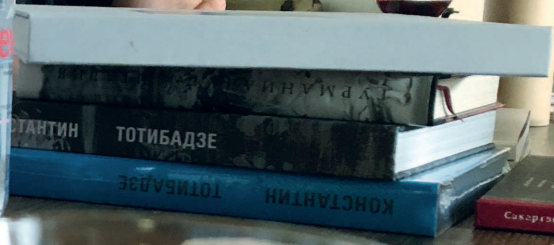
Однажды — дело было январским вечером, в похмельную неделю после Рождества — мы занимались привычным делом: в московской мастерской у братьев Тотибадзе ели только что пожаренных на дворе цыплят (а у художников Тотибадзе есть мастерская, за мастерской — небольшой двор, а на дворе — очаг) и пили что-то вкусное. Пост благополучно завершился несколькими днями ранее, и все располагало именно к такому времяпрепровождению — «цыплята с чем-то вкусным», и погода, и компания, и состояние душ. Откупоривались бутылки с тосканским, на столе появлялись все новые и новые запотевшие штофы, произносились тосты. О политике не говорили: с нами были дети, а при детях ругаться грязно, как того заслуживает политика и политики, не хотелось. Разговоры все больше велись о приятном: путешествиях, музыке, книжках с картинками, еще — о еде. Конечно, о еде! О чем же во время еды еще говорить, как не о еде?

– Эх, сейчас бы саперави к этой птичке, — мечтал Георгий, то есть Гоги Тотибадзе, старший из двух братьев-живописцев.

– И пхали из порея к тому саперави, о котором ты говоришь, — подливал масла в огонь младший брат, Константин Тотибадзе.

– И мингрельского харчо — к пхали и саперави! И, пожалуй, эларджи. Как харчо без эларджи есть? Только пхали и саперави попусту изводить! И хинкали! И купатов! И сациви! И чихиртмы; чихиртму не забудьте! — не унимались жены, дети и друзья обоих Тотибадзе.

И — пошло-поехало, начался грузинский гастрономический волейбол. Команда одного брата подавала, второго — отбивала; при равенстве счета игра неумолимо скатывалась в овертайм. Наконец был объявлен перерыв; Костя отправился за новыми бутылками, а Гоги — снимать с огня баранину.

Еще утром Гоги съездил за ягнячьей лопаткой на Драгомиловский, к своему мясному дилеру. Где мясник, суровый мужчина с щетиной и праздничным перегаром, смог в пьяную неделю найти столь качественную вещь, понятно не было, но нашел же! Там же, на рынке, у других заросших торговцев отыскивались кислые сочные гранаты и кинза. Ничего больше классика грузинской гастрономии от Драгомиловского не требовалось: баранина должна была готовиться в собственном и гранатовом соке и с небольшим количеством травы. На огне.

Вернувшись в мастерскую, Гоги приступил к художественному творчеству: срезал с костей мясо, надавил литра полтора соку из кислых гранатов, залил соком баранину, сложенную в «лодку», слепленную из фольги, припорошил смесь кинзой, запечатал «лодку» и поставил ее на огонь. Часа на полтора — два, до тех пор, пока мясо не приготовилось, втянув в себя гранатовый дух и выпустив взамен свои мясные соки. Красный цвет пропал, испарился, исчез; готовое мясо оказалось плавающим в прозрачном бесцветном бульоне, благоухающем гранатом и слегка — кинзой.

Дымящийся бульон был разлит по чашкам, мясо разложено по тарелкам, куски лаваша утоплены в остатках бульона; настало время тоста (хоть

и опьянели все разом только лишь от разлившегося по мастерской аромата и от предвкушения безобразного чревоугодия).

– Давайте же, — начал Гоги, — поклянемся и поедем в Грузию. Не дожидаясь тепла, цветочков и туристов. Возьмем соберемся и поедем кутить! Через неделю. Вот за это и выпьем!

И, не давая никому встрять с пораженческим алаверды, Гоги опрокинул в себя полстакана виски и запил виски глотком обжигающего бульона. Остальным пришлось следовать стопами классика — пить и запивать, то есть соглашаться и подписывать бараньими соками только что провозглашенную декларацию независимости от запланированных дел, от здравого смысла и финансового положения. Как и аромат баранины, томленной в гранатовом соке, план, бросив все, отправиться в Грузию, вскружил подготовленную употреблением вкусных напитков голову.

Первые разумные голоса прозвучали чуть позже, когда баранина была уже съедена. Всякий ведь — и разумный человек со своим разумным голосом, и художник, и даже дитя — знает, что баранину надо есть не медля, горячей, а потому идее немедленно ринуться в Большое закавказское гастрономическое путешествие, в Великий грузинский кутеж, в поездку по местам буйной молодости братьев Тотибадзе было суждено минимум минут тридцать отстояться. А когда полчаса миновали, и наркотическое воздействие баранье-го бульона притупилось, и разные алкогольные

напитки были употреблены в помощь организмам, пытающимся расщепить жиры, жены посмотрели на своих девятерых — в сумме — детей (и еще одну внучку вдобавок), на своих двоих (опять-таки в сумме) мужей, в такт покачали головами и хором преступили клятву:

– Нет, друзья, на нас, пожалуй, не рассчитывайте. А сами — езжайте, куда глаза ваши, залитые бараньим жиром и шотландским спиртом, глядят. Только имейте в виду — погубите вы ваших дорогих друзей! Вам-то вино вместо воды пить и чачей запивать, а друзья ваши — люди нежные, неподготовленные, из рога пить необученные, по десять часов кряду из-за стола не вставать не привыкшие. В общем, пожалейте москвичей, они не из вашей бригады.

То есть ничего крамольного или неожиданного (от жен же всегда ожидаешь чего-нибудь такого) русские жены грузинских художников и не сказали, но вечер почему-то перестал быть томным. Порыв, который, казалось, овладел всеми, разбился о логику семейной жизни. К тому же прозвучало таинственное слово «бригада», о значении которого мне только еще предстояло узнать. В общем, я начал сомневаться, что когда-нибудь попаду в Грузию. Да, представьте: дожив до сорока шести, почти сорока семи уже, лет, я никогда не был ни в Тбилиси, ни вообще в Грузии! Все съездили туда еще в студенческие годы, потом навевывались регулярно, а я оставался девственником, из всего грузинского не понаслышке знакомым только с «Алазанской долиной», живописью братьев Тотибадзе, фильмом «Листопад» и хинкали из «Хинкальной» у «Октября». Я исколесил Южную Америку и Восточную Африку, сто раз побывал в Индостане и дважды — в Антарктике, забрался на Килиманджаро, прошел Магеллановым проливом, съел живого лангустина на Фарерских островах и накопил миллионы миль на картах всех известных миру авиакомпаний, а до Грузии — не добрался! Она всегда была такой близкой и доступной, даже когда летать до Тбилиси надо было окружными путями, что путешествие в Тбилиси или Кахетию именно в силу своей легкости все время откладывалось. И вот теперь, когда за те полчаса, что прошли между тостом под баранину и выступлением жен художников, я успел собраться в Грузию, уже свыкся с мыслью и нашел

себе место за шумным кавказским столом, голоса разума снова попытались мне помешать. Во всяком случае — напугать.

Ну хорошо. Трезвенником я перестал быть на втором, кажется, курсе МГУ, поэтому перспектива напиться пьяным меня не пугала, даже радовала; страшно было надраться плохим вином, то есть таким грузинским, которое я запомнил и которое мы с величайшим трудом покупали в винном на Столешниковом или заказывали под цыпленка табака в «Птице» на Советской площади в середине восьмидесятых. Ни про какие новшества в традиционном грузинском виноделии я слыхом не слыхивал, наоборот, с голодных девяностых сохранилось ощущение, что в бутылки с этикетками «Мукузани» и «Ркацители» теперь положено разливать дуст и прочую отраву. Да и доктор Онищенко мамой клялся, что запрет на поставки вина из Грузии никак не связан с маленькой победоносной войной и плохими отношениями двух президентов. Как мог я не доверять доктору?

С другой стороны, почти все известные мне любители Грузии именно что пьянствовать туда ездили и ездят, пьют там не привезенную с собой водку и не бордо какое-нибудь, а саперави и ркацители, и возвращаются живыми. Да и потом: я в Индии бывал, на базарах еду там ел, а это вам не прокисший виноградный сок, это — богатейшая коллекция бактерий и микроорганизмов, неизвестных науке, и ничего, ни одного грандиозного поноса. Ну а насчет питья

